

УДК 94(47)

Е.П. Барина*

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ «БЫВШИХ»: ПЕРЕПИСКА ДВОРЯН В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Проблемы выбора жизненного пути, политической, социальной и культурной самоидентификации стала главной как для отдельной личности, так и для социальных групп, классов и сословий в результате Великой Российской революции 1917 года. Они нашли свое отражение в личной переписке и дневниках, последующих воспоминаниях представителей дореволюционной элиты о событиях Великой Российской революции и Гражданской войны. Анализ писем арестованных и осужденных в Политический Красный Крест (1918–1922 гг.), а также обращений политических и общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции в их защиту позволяет проследить изменения в политике советской власти по отношению к дворянству. В период Гражданской войны были проведены массовые аресты представителей дворянства в качестве "заложников" при ухудшении положения на фронтах Гражданской войны или после покушений на членов правительства. Дворянская переписка отражала отношение значительной части бывшего привилегированного сословия к новой власти, к резкому ухудшению материальных условий жизни и изменению социального статуса. Реалии повседневности, описанные в письмах, отражение обстоятельств ареста и хода следствия позволяют сделать вывод о том, что представители власти опасались любой потенциальной оппозиции.

Ключевые слова: дворянство, «бывшие», Политический Красный Крест, повседневное поведение, адаптация, репрессии.

Многовековые культурные стереотипы и повседневные практики поведения дворянства в результате революционных событий 1917 г. и Гражданской войны пришли в столкновение с реальной действительностью. Переход из мира господ в мир обычного человека, да еще лишённого прав был чересчур быстрым и резким и породил множество культурных и поведенческих проблем. Лишь сравнительно недавно на фоне всплеска интереса к истории повседневности и микро-истории появились работы, посвященные повседневной жизни представителей бывших дореволюционных элит в советском государстве [2; 6; 10; 15; 17]. Выделились в отдельное направление научного поиска исследования повседневной жизни «бывших» — дворян, бюрократии, духовенства, предпринимателей. Была дана оценка политике советской власти и действиям карательных органов по отношению к дворянству и офицерству, проанализированы причины репрессий, направленных на представителей этого сословия в 1930-х гг. [4; 5; 12; 16].

Политические события Великой Российской революции зачастую оценивались с точки зрения либо «победителей», либо «побежденных», предпринимались поиски «виновных», описывались «ужасы» нового политического режима. В любом случае, как современник, так и мемуарист искажали прошлое в силу, как своей субъективности, так и невозможности преодоления культурных установок своей эпохи. Большая часть дворянских семейных

архивов по объективным причинам утеряна безвозвратно. Многие письма в условиях Гражданской войны не доходили до адресатов. Разграбление дворянских имений, особняков и впоследствии отчуждение их, уничтожение дворянских библиотек и коллекций, эмиграция дворянских семей, репрессии по отношению к оставшимся в России, жизнь в условиях неминуемого ареста и обыска, не способствовали сохранности документов. Как вспоминал И.А. Бунин, опасаясь обысков и ареста, он так хорошо спрятал часть своего дневника — «закопал в одном месте в землю», что «перед бегством из Одессы, в конце января 1920 года, никак не мог найти их» [3, с. 126].

Издание сборников документов фонда Политического Красного Креста и материалов фонда Помощи политзаключенным (1918–1938 гг.) [11; 14] существенно расширило источниковую базу. В фондах Государственного архива Российской Федерации в архиве Московского Политического Красного Креста (1918–1922) сохранились анкеты и письма свыше 3000 человек, принадлежность которых к потомственному и личному дворянству не вызывает сомнений, в их числе — кадровые генералы и офицерство Русской Императорской армии, часть из них служила в Белой и Красной армиях [11].

В начале 1918 года арестовывали активных участников антибольшевистских организаций, основной костяк которых составляли офицеры. За воен-

* © Барина Е.П., 2017

ными специалистами, служившими в Красной Армии во время гражданской войны, осуществлялся постоянный контроль. Распространенной практикой были внесудебные казни, а также аресты и лишения свободы на относительно непродолжительные сроки – от нескольких дней до нескольких месяцев. Например, помощник комиссара народной Самарской городской милиции Петров в своем доносении от 30 мая 1918 года в Самарский Совет рабочих и депутатов Красной Армии докладывал, «что бывший губернский предводитель дворянства Шелашников согласно Вашего предписания от 29 мая сего года за №13 мною арестован и в настоящее время содержится при штабе охраны, а потому прошу в срочном порядке сообщить, если возможно, с сим подателем, как поступить с Шелашниковым» [1, с. 236]. Дело Шелашникова поступило в следственную комиссию Самарского революционного трибунала, но так как обвинение при аресте не было сформулировано, он был освобожден. Опасаясь нового ареста, он с представителями Российского общества Красного Креста покинул Самару вместе с армией А.В. Колчака и уехал в Омск.

Обыскам и арестам подвергались практически все бывшие помещики. Так три письма статс- дамы, вдовы известного царедворца Э.Д. Нарышкина Александры Николаевны Нарышкиной к А.Н. Норцову после Октябрьской революции написаны на французском языке. Она справедливо полагала, что письма не будут поняты в случае перлюстрации и обысков, которым подвергались помещики. В них она сообщает, что вынуждена уехать из имения в Тамбов и благодарит за оказанную материальную и моральную поддержку. В последнем письме, незадолго до смерти, 14 мая 1919 г. она просит прощения за нанесенные обиды и просит заплатить за нее крупный долг [2. Л. 17–19].

В 1918 году поводом для ареста мог быть графский или княжеский титул, занятие высокого поста (министра, губернатора, предводителя дворянства) при царском правительстве, принадлежность к той или иной политической партии, наличие офицерского оружия, нахождение близких и дальних родственников в рядах Белой армии, а также знакомство с подозреваемыми в контрреволюционной деятельности или «некоторые мысли, записанные в дневник моего старшего сына» [14, с. 32]. Дворянин А.С. Григоров вспоминал, что в Москве они застали «еще ряд бежавших из насиженных мест «недорезанных буржуев», которые искали безопасного места, так как многим в период «красного террора», наступившего после покушения на Ленина 30 августа 1918 года грозила смертельная опасность: «их брали заложниками, а в газетах ежедневно публиковались списки расстрелянных» [8].

Один из высших руководителей ВЧК М.Лацис, давая инструкции местным органам, указывал на необходимость руководствоваться при вынесении приговора социальным происхождением, образованием и профессией обвиняемого. Он писал: «Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Совета с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он

принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого» [5].

Очень часто арестованным не предъявляли обвинения на протяжении довольно долгого времени и не допрашивали. В письме О.Н. Раевской в МПКК отмечалось, что хотя она была арестована 5 октября 1918 года, до начала декабря 1918 года обвинение ей не предъявлялось. Предъявленное затем обвинение в участии во Всероссийском монархическом союзе базировалось на расхождении показаний О.Н. Раевской и хозяина квартиры, где она остановилась, а также на том обстоятельстве, что она пришла в квартиру Д.Н. Шипова, где после его ареста была оставлена засада. Причем следователь отметил, что он сказал об обвинении лишь для того «чтобы вы не имели права говорить, что обвинение Вам не предъявлено» [14, с. 54]. Показательно, что, несмотря на абсурдность обвинений, а также ходатайство граждан 1-го Богословского общества Старооскольского уезда Курской губернии в защиту О.Н. Раевской, в котором они отмечали, что она «никогда в контрреволюционных действиях или разговорах против Советской Республики замечена не была, также как и все семейство...», а один из братьев Ольги пошел добровольцем в Красную Армию ВЧК в просьбе об освобождении отказало, и отправила ее в ссылку [14, с. 35].

Ситуация неопределенности, когда человек находился в тюрьме без допроса и предъявления обвинения и мог только догадываться о причинах своего ареста, негативно влияла на его психологическое здоровье. Так Б.В. Кованько, на протяжении года находившийся в Бутырской тюрьме и неоднократно обращавшийся в различные инстанции, но не получавший ответа, отмечал: «...я пишу эти строки доведенный до крайности и близкий к сумасшествию» [14, с. 29].

С августа 1918 года была введена системы заложничества семей военспецов с расстрелом в случае измены. Аресту подвергались не только близкие родственники – мать, сестра, жена, но даже и дальние родственники дворян, служивших в Белой Армии, зачастую не знающие об их судьбе или полагающие, что их родственник убит или пропал без вести. Так, например, в письме братьев дворян А.И. и М.И. Александровских в Красный Крест отмечалось, что «родственники и мать его никаких о нем (племяннике, находившемся в армии белых – Е.П.) сведений не имели и даже предполагали его погибшим». Они искренне недоумевали над вопросом о причине своего ареста и вопрошали Красный Крест «есть ли декрет об ответственности и каких родных за проступки предупреждаются родные», подлежат ли они амнистии, и какие основания имеет арест. На «Опросном листе» Михаила Ивановича Александровского было несколько помет секретаря МПКК, в том числе озвучена причина ареста: «Арестованы по распоряжению Троцкого за то, что их родственник, служа в Красной армии, перешел на сторону белых. Алексей и Михаил Ивановичи были приговорены к лагерному заключению до конца Гражданской войны [11].

К.П. Беннигсен была арестована вместе с подругой Урусовой 22 мая 1919 года как заложницы дворянского происхождения в связи с наступлением на Петроград. Причем Урусова, не имеющая родственников-мужчин, после допроса была освобождена, а К.П. Беннигсен была заключена в концлагерь «до конца гражданской войны», так как три ее брата уехали еще до революции с семьями за границу. Несмотря на то, что Ксения Беннигсен не имела никаких связей с братьями, не разделяла их взглядов, обращение в Красный Крест и Президиум ВЧК не дало результатов, и она была освобождена только в конце 1919 года [14, с. 50-51].

В редчайших случаях ходатайства общественных деятелей или организаций способствовали смягчению приговора или освобождению. Так, например, П.А. Бобринский в разговоре в кафе с незнакомым человеком выразил «в резкой и горячей форме» свое мнение «что народ устал от гражданской войны». 9 июня 1919 г. был арестован, приговорен к заключению в концентрационный лагерь. Благодаря ходатайству служащих пароходного и тарснпортного общества «Российский Ллойд», в котором П.А. Бобринский работал в качестве помощника заведующего отделением хранения, он был условно освобожден в феврале 1920 г. [14, с. 53].

Частую арестованные дворяне, их родственники и знакомые полагали, что арест является досадной ошибкой новой власти, «недоразумением». В письме А.В. Чайнова Н.К.Муравьеву в защиту И.А. Вернера, члена Финансово-экономического совета при Комитете Государственных сооружений, бывшего курского статистика, указывалось, что «когда его арестовали, я думал, что его сейчас же и выпустят и не очень беспокоился». Он отмечал, что хотя И.А. Вернер «и не пылает нежными чувствами к советской власти, но по своему возрасту (70) и здоровью в заговорщики не годится, а заложником тоже не может быть, ибо мало кому известен». Также А.В. Чайнов апеллировал к прошлым заслугам Вернера: «написал книгу о курских крестьянах, сожженную за революционное содержание земским собранием» [14, с. 54]. В данном случае поручительство Чайнова и согласие члена коллегии ВСНХ В. Милютина способствовало освобождению Вернера из-под стражи.

Несмотря на ходатайства о пересмотре дела и освобождении, дворяне отправлялись в ссылку только за «сомнительное происхождение». Если же дворянин обвинялся в антисоветской агитации и «возбуждении в народных массах недоверия к Советской власти и отвращения к Красной Армии», в том, что он «заклятый враг рабочего класса», то заключался в концентрационный лагерь до конца гражданской войны или подлежал расстрелу. Часто арестованный не мог доказать что он не является классовым врагом. «Доказать, что я не служил белым... я к сожалению никак не могу», — отмечал А.С. Витте, — «Кроме того, минусом для меня служит мое бывшее служебное положение (кадровый офицер)» [14, с. 57].

С декабря 1918 по 1920 год в Москве были разгромлены 22 офицерские организации. После объявления амнистии и обязательной регистрации бывших офицеров, служивших в белых армиях до 1 апреля 1920 г. всех явившихся арестовывали, заключали в ближайший концлагерь или направляли в Москву, а позднее отправляли в Архангельск, где часть расстреливалась по прибытии, остальные постепенно уничтожались в Холмогорском концлагере. Офицеры-репатрианты, вернувшиеся из-за границы после объявленной амнистии, были также расстреляны. Необходимо отметить, что часть офицеров, из тех кто перешел на службу в Красную Армию, по ходатайству Политического Красного Креста была освобождена либо отправлена в ссылку, однако затем в 1930-е годы большинство из них было вновь арестовано и погибло в сталинских лагерях.

1 сентября 1921 года в официальном сообщении ВЧК утверждалось о раскрытии и ликвидации нескольких боевых контрреволюционных организаций, готовивших вооруженное восстание в Петрограде. По «делу Таганцева» было арестовано свыше 200 человек, 61 — расстрелян, в том числе князь С.А. Ухтомский, формальным поводом для расстрела которого стала написанная им статья по мурзейному делу [14, с. 169], а фактическим — его дворянское происхождение.

В условиях гражданской войны, репрессивные практики применявшиеся властью к дворянству касались как активных, так и потенциальных врагов советской власти. Вопрос о соотношении жестокостей противоборствующих сторон достаточно спорен. Конечно, в воспоминаниях дореволюционной элиты описываются ужасы и зверства «большевистского режима». Более правомерен на наш взгляд подход П.Д. Долгорукова. «Превосходили ли зверства большевиков количественно и качественно? — спрашивал он, — Не знаю. По слухам и анкетам с нашей стороны — да. Но на войне всегда преувеличивают злодеяния противника, и у большевиков белый террор изображался куда ужаснее красного» [9, с. 95].

Обыски и аресты в 1918–1922 гг. коснулись практически всех дворянских семей, поэтому бывшие дворяне, особенно представители старшего поколения, стремились «не высовываться», довольствовались непритязательными должностями, публично не показывали свою «особость» и свои политические убеждения, не говорили о прошлом и не обсуждали с посторонними и даже знакомыми людьми общественно-политические события. Распространенным методом борьбы с подслушиванием разговоров соседями и другими чужими людьми были разговоры на иностранных языках, хотя и они не являлись в полной мере безопасными. Способом отрыва от прошлого была миграция. Распространенной практикой была как миграция дворянства из провинциальных городов в столицу, в надежде затеряться в большом городе, так и из крупных губернских городов, а также столичных городов в небольшие города Сибири, Урала, где можно было

рассчитывать на то, что дворянское происхождение будет не замечено в случае утраты документов или изменения фамилии.

Постоянные новости о выселениях, ограблениях, расстрелах, арестах, издевательствах со стороны представителей органов власти порождали страх и унижение, стремление убежать, раствориться, исчезнуть и чувство безысходности своего положения. Поэтому те представители дворянского сословия, которые имели возможность уехать, пытались вырваться из «большевистского ада». О.Т. Шишкова-Троянова, которой на тот момент, когда семья эмигрировала, не было еще и 18 лет, впоследствии вспоминала, что «несмотря на то, что с начала 1918 года мы все жили как бродяги, ... все же уехать за пределы родной земли казалось бегством» [13, с. 416].

Эмиграция была недоступна для большинства дворянства, как в силу экономических, так и социально-психологических факторов. Дворяне, выбравшие путь эмиграции понимали, что навсегда прощаются с родиной, друзьями, близкими. Зачастую не все члены семьи могли одновременно покинуть родину в силу различных причин (болезни, отсутствия разрешения на выезд, арест), семьи разбивались. Да и жизнь в эмиграции не давала им уверенности в завтрашнем дне, к тому же была тяжелой как в экономическом, так и социокультурном плане.

Переписка между членами дворянских семей, разбросанных после Гражданской войны волею судеб по разным странам и регионам России, насыщена информативными подробностями о своей жизни и жизни тех родственников, от которых они получают письма. Отметим, что письма особенно за границу очень часто не доходили до адресата. Так в письме Л.И. Сосновской, проживающей в Смоленске, брату А.И. Сосновскому (Италия, Милан) от 17 января 1924 года автор сетует, что уже больше года не получал ответа и «очень беспокоится».

Про экономические проблемы дворянских семей как в Советской России, упоминается вскользь «жизнь здесь сейчас страшно дорогая и поэтому часто нелегко живется» [13, с. 486]. В другом письме А.И. Сосновскому от 10 февраля 1926 г. автор письма Е.И. Дмитриевская (Сосновская) отмечает, что три с половиной года не получает ответа на письма: «Или почему-либо письма не доходят до назначения, или просто ты нас знать не желаешь. Совершенно вычеркнул из своей памяти» [13, с. 496]. Она обращается к брату с «неприятной просьбой» помочь по возможности материально, так как семья ее живет в деревне под Смоленском, муж болеет и не работает и «по несколько дней бываем не только без обеда, но даже и без куска хлеба». Письмо это очень краткое, заметно, что автор письма стыдится обращаться за помощью и делает это только от безысходности.

Более подробно о ситуации в семье Е.И. Дмитриевской (Сосновской) и о судьбах других родственников мы узнаем из подробнейшего письма Е.А. Шишковой своему племяннику А.И. Сосновскому от 8 января 1926 г. Она подробно описывает

материальные проблемы Е. И. Дмитриевской, безуспешные попытки ее мужа устроиться на работу. Она сообщает, что сама, к сожалению, помочь не может, так как их семья, проживающая в Немме, также находится в незавидном материальном положении. В другом письме от 9 февраля 1926 года она вновь повторяет свою просьбу о денежной помощи Е.И. Дмитриевской. Далее она подробно описывает жизнь представителей дворянской эмиграции знакомых и своих детей, поселившихся в Белграде. В письме есть информация об общих знакомых и родных, оставшихся в России: Д.Д. Бутовском – расстрелян, Л.Д. Бутовском – застрелился, Н.М. Хирьяковой – сошла с ума. Описывая жизнь своей родственницы тети Оли (Ольга), которая жила в Петербурге, она отмечает такое явление как уплотнение собственников. «Поселившиеся квартиранты завладели всей обстановкой, посудой и тете Оле не уступают ее же вещей» [13, с. 492]. Подводя итог, Е.А. Шишкова резюмирует, что «куда ни помотришь, больше печали, чем радости». Поэтому рассказывая А.И. Сосновскому о гибели его брата Константина в 1918 году при трагических обстоятельствах (фронтной офицер, он был убит на глазах матери и сестры летом 1918 г. крестьянами в своем имении Бело Матейково Витебской губернии), она отмечает, что «после тех ужасов большевистского режима и всей пролитой ими крови и мучения офицеров, конечно, сознаешь, что кончина Коли была для него Божьей милостью, а особенно для нас, его близких» [13, с. 491]. Тем самым автор косвенно говорит о трагических судьбах русского офицерства в условиях Гражданской войны и репрессий 1920–1930-х годов, арестах, ссылках и гибели дворян. Да и жизнь эмигрантов не приносит им радости: «...не написала только о том, как морально тяжело жить в России, ... и все же мне было невыразимо тяжело уезжать оттуда, а сознание что я не увижу больше родину» [13, с. 494].

Совершенно другой характер имеют письма Т.А. Шишкова. В первом письме от 4 февраля 1926 года он кратко описывает перипетии жизненного пути в 1920-х годах (Одесса – Винница – Ревель), а затем пытается, отвечая на вопросы А.И. Сосновского о родине, оценить большевистский режим. Он констатирует, что «Главарь большевизма ведет дело умно, а главное, не жалеют денег на подачки... Этим объясняется и признание, и разные уступки, которые делают державы». По его мнению, «там (на родине – Е.П.) все недовольны, за исключением небольшой кучки разных бандитов и проходимцев, ... и только живут ожиданием, кто большевиков уберет» [13, с. 490]. Однако, несмотря на такую оценку общественных настроений, он говорит, что вряд ли большевистский режим падет сам («сами они едва ли смогут скоро сбросить их»). Он отмечает, что новая идеология больше всего развращает молодежь. Во втором письме от 9 февраля 1926 года Т.А. Шишков пытается объяснить причины революционных событий, оценивая их как закономерную катастрофу в результате ослабления государственной власти накануне революции.

В дворянской переписке в основном обсуждались бытовые, семейные проблемы. О повседневной жизни и политической обстановке в Советской России если и упоминалось, то очень завуалировано. Тем не менее, в письмах отразились индивидуальные качества авторов, их взгляды, жизненный опыт, особенности восприятия событий, поведенческие реакции. Значительная часть бывшего привилегированного сословия с трудом адаптировалась к новым социально-экономическим реалиям, резко ухудшению материальных условий жизни и изменению социального статуса. Реалии повседневности, описанные в письмах, отражение обстоятельств ареста и хода следствия позволяют сделать вывод о том, что представители власти опасались любой потенциальной оппозиции. Аннулирование юридического статуса, отчуждение собственности в пользу государства, фактическое лимитирование любых возможностей участия в общественно-политической жизни существенным образом изменили социальный статус представителей дворянского сословия. Однако люди, родившиеся и социализированные при старом режиме, их самосознание и идентичность продолжали жить, что было неприемлемо для власти, являлось повышенным фактором социального риска. В условиях иной социальной реальности традиционные модели поведения не работали, и бывшим дворянам волею неволей приходилось приспосабливаться к новому миру, который их не принимал.

В 1920-е годы представители дворянских фамилий, оставшиеся в России, пытались найти работу, свое место в новой социальной среде, они работали во всех отраслях и сферах народного хозяйства, состояли на военной службе, были в государственном аппарате и занимались (в период НЭПа) частным предпринимательством. Но доверия у власти, даже лояльные «бывшие» не вызывали, поэтому в конце 1920-х – начале 1930-х гг. они не могли трудоустроиться. Особенно это касалось тех из бывших дворян, которые уже побывали под арестом. Априори полагая, что привилегированные сословия являются классовыми врагами, их обвиняли в связях с контрреволюционными организациями и приписывали все мыслимые и немыслимые грехи. Для части дворянства, особенно молодежи, была характерна своеобразная жизненная наивность. Они не понимали опасность общения с миром новой элиты, не думали, что на определенном этапе новый режим сможет обойтись без профессиональных знаний и компетенций, которыми владели представители дворянского сословия.

Анализ дворянской переписки и обращений во властные органы показал, что революционные события для большинства представителей сословия были равноценны катастрофе. Привычное мировоззрение, жизненный уклад и ценности были разрушены, а революционная повседневность приводила к неприятию и девальвации общепринятых ценностей, постепенному формированию новых альтернативных ориентаций. В эпистолярных источниках ярко отразилось эмоциональное состоя-

ние авторов, трансформация и переориентация социального поведения дворянского сословия.

Политическая пропаганда правящей большевистской партии была нацелена на создание новых духовно-нравственных ориентиров, закрепление в сознании стереотипных представлений о дворянах и представителях буржуазии как людях, стремящихся к наживе любой ценой, «бездельниках», живущие за счет трудового народа, «врагах» с целым набором человеческих пороков. Особенно это наглядно проявилось в годы гражданской войны, когда дворянство подверглось колоссальному прессингу со стороны власти большевиков. И если в первые годы советской власти «бывшие» еще надеялись на то, что найдут свое место в Советской России, то в 1930-е годы эти надежды были утрачены навсегда.

Библиографический список

1. Алексушина Т.Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013.
2. Берто Д. Трансмиссия социального статуса в экстремальных ситуациях // Судьбы людей: Россия. XX век. М., 1996.
3. Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991.
4. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.
5. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. URL: <http://swolkov.org/ins/02.htm> (дата обращения: 22.02.2017).
6. Герасимова К., Чуйкина С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России. 1920–1930-е годы. СПб., 2000.
7. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 165. Оп. 1. Д. 83.
8. Григоров А. Из истории Костромского дворянства. URL: <http://kostromka.ru/nobles/385.php> (дата обращения: 22.02.2017)
9. Долгоругов П.Д. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1925. М.: Центрполиграф, 2007.
10. Ефремов С.И. Дворянская семья в Советской России и СССР (1917–конец 1930-х гг.): социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
11. Заклейменные властью. Услышь их голоса. По документам фондов Государственного Архива Российской Федерации: «Московский Политический Красный Крест» (1918–1922); «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (1922–1938) URL: <http://pkk.memo.ru/index.html>
12. Иванов В.А. Миссия ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х годов: на материалах Северо-Запада РСФСР СПб., 1997.
13. Лобанова Н. «К роду отцов своих...». Семейно-историческая хроника дворянских родов Сосновских, Шишковых, Хирьяковых. Тольятти: Атриум, 2001. 496 с.

14. Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918-1922. Помощь политзаключенным. 1922-1937. СПб., 2004.

15. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917-1936 годы. М., 2003.

16. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930-1931 годы. М., 2000.

17. Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы) СПб., 2006.

References

1. Aleksushina T.F. *Samarskie stranitsy rossiiskogo dvorianstva* [Samara pages of Russian nobility]. Samara, 2013 [in Russian].

2. Berto D. *Transmissiia sotsial'nogo statusa v ekstremal'nykh situatsiakh* [Transmission of social status in extreme situations]. In: *Sud'by liudei: Rossiia. XX vek* [Fates of people: Russia. XX century]. M., 1996 [in Russian].

3. Bunin I.A. *Okaiannye dni* [Cursed days]. M., 1991 [in Russian].

4. Volkov S.V. *Tragediia russkogo ofitserstva* [Tragedy of Russian officership]. M., 1999 [in Russian].

5. Volkov S.V. *Intellektual'nyi sloi v sovetskom obshchestve* [Intellectual layer in the Soviet society]. Retrieved from: <http://swolkov.org/ins/02.htm> (accessed 22.02.2017) [in Russian].

6. Gerasimova K., Chuikina S. *Ot kapitalisticheskogo Peterburga k sotsialisticheskomu Leningradu: izmenenie sotsial'no-prostranstvennoi struktury goroda v 30-e gody* [From capitalistic Peterburg up to socialist Leningrad: change of social and spatial structure of the city in 1930-ies]. In: *Normy i tsennosti povsednevnoi zhizni. Stanovlenie sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii. 1920-1930-e gody* [Norms and values of everyday life. Establishment of socialist way of life in Russia. 1920-ies – 1930-ies]. SPb., 2000 [in Russian].

7. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti (GATO)* [State archive of the Tambov Region (GATO)]. F. 165. Op. 1. D. 83 [in Russian].

8. Grigorov A. *Iz istorii Kostromskogo dvorianstva* [From the history of Kostroma nobility]. Retrieved from: <http://kostromka.ru/nobles/385.php> (accessed 22.02.2017) [in Russian].

9. Dolgorugov P.D. *Velikaia razrukha. Vospominaniia osnovatelii partii kadetov. 1916-1925* [Great devastation.

Memories of the founder of the party Constitutional Democrats. 1916-1925]. M.: Tsentropoligraf, 2007 [in Russian].

10. Efremov S.I. *Dvorianskaia sem'ia v Sovetskoj Rossii i SSSR (1917-konets 1930-kh gg.): sotsiokul'turnyi aspekt: avtoref. diss. ...kand. ist. nauk* [Noble family in Soviet Russia and SSSR (1917-end of 1930-ies): sociocultural aspect. Author's abstract of Candidate's of Historical sciences thesis]. M., 2011 [in Russian].

11. *Zakleimennye vlast'iu. Uslysh' ikh golosa. Po dokumentam fondov Gosudarstvennogo Arkhiva Rossiiskoi Federatsii: "Moskovskii Politicheskii Krasnyi Krest" (1918-1922); "E.P. Peshkova. Pomoshch' politicheskim zakliuchennym" (1922-1938)* [Marked by the power. Hear their voices. According to the documents of funds of State Archive of the Russian Federation: «Moscow Political Red Cross» (1918-1922); «E.P. Peshkova. Aid to the political prisoners» (1922-1938)]. Retrieved from: <http://pkk.memo.ru/index.html> [in Russian].

12. Ivanov V.A. *Missiia ordena: Mekhanizm massovykh repressii v Sovetskoj Rossii v kontse 20-kh-40-kh godov: na materialakh Severo-Zapada RSFSR* [Mission of the order: Mechanism of mass repressions in Soviet Russia in the end of the 20-ies-40-ies: on the material of the North-West of RSFSR]. SPb., 1997 [in Russian].

13. Lobanova N. «K rodu ottsov svoikh...». *Semeino-istoricheskaja khronika dvorianskikh rodov Sosnovskikh, Shishkovykh, Khir'iakovykh* [«On the generation of your own fathers...». Family history chronicle of noble generations of the Sosnovskie, Shishkovy, Khiryakovy]. Togliatti: «Atrium», 2001, 496 p. [in Russian].

14. *Obrecheny po rozhdeniiu... Po dokumentam fondov: Politicheskogo Krasnogo Kresta. 1918-1922. Pomoshch' politzakliuchennym. 1922-1937* [Doomed by birth... According to the documents of funds: Political Red Cross. 1918-1922. Aid to the political prisoners. 1922-1937]. SPb., 2004 [in Russian].

15. Smirnova T.M. «Byvschie liudi» *Sovetskoj Rossii. Strategii vyzhivaniia i puti integratsii. 1917-1936 gody* [«Have-beens» of Soviet Russia. Strategies of survival and ways of integration. 1917-1936]. M., 2003 [in Russian].

16. Tinchchenko Ya.Yu. *Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR. 1930-1931 gody* [Calvary of Russian officership in USSR. 1930-1931]. M., 2000 [in Russian].

17. Chuikina S.A. *Dvorianskaia pamiat': «byvschie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920-30-e gody)* [Noble memory: «have-beens» in the Soviet city (Leningrad, 1920-30-ies)]. SPb., 2006 [in Russian].

**LAST HOPES OF "HAVE-BEENS": CORRESPONDENCE OF NO-BLEMEN
IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER**

Problems of the choice of a course of life, political, social and cultural self-identification became main both for the certain personality, and for social groups, classes and estates as a result of the Great Russian revolution of 1917. They have found the reflection in personal correspondence and diaries, the subsequent memories of representatives of pre-revolutionary elite of events of the Great Russian revolution and civil war. The analysis of letters of arrested and convicts in the Political Red Cross (1918-1922), and also addresses of political and public figures, representatives of the creative intellectuals to their protection allows to track changes in policy of the Soviet power in relation to the nobility. During Civil war mass arrests of representatives of the nobility as "hostages" at deterioration of the situation on fronts of civil war have been carried out or after attempts at members of the government. Noble correspondence reflected the relation of a considerable part of the former exclusive estate to the new power, to sharp deterioration in material living conditions and change of the social status. The daily occurrence realities described in letters reflection of circumstances of arrest and a course of investigation allow to draw a conclusion that authorities were afraid of any potential opposition.

Key words: nobility, "have-beens", Political Red Cross, daily behavior, adaptation, repressions.

Статья поступила в редакцию 15/III/2017.
The article submitted 15/III/2017.

* *Barinova Ekaterina Petrovna* (rfnz25@yandex.ru), Department of Social-Humanitarian and Natural-sciences Disciplines, Samara institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, 87/35, Neverova/Lineinaia street, Samara, 443036, Russian Federation.